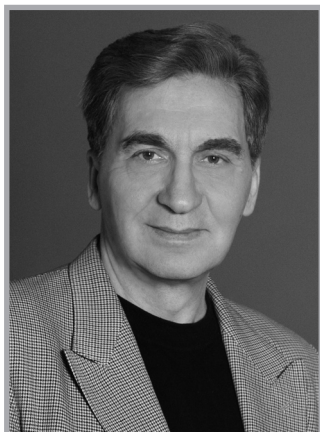

Михаил Александрович Сапонов – доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной музыки Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского.

Mikhail A. Saponov (PhD), professor, head of the Department of Western Music at the Moscow State P.I. Tchaikovsky Conservatory.

Десять писем другу

*К столетию со дня рождения Валентины Джозефовны Конен
(29 июля/11 августа 1909, Баку – 8 декабря 1991, Москва)*

Ten Letters to a Friend

*Commemorating the Centenary of Valentina Konen
(July 29/August 11, 1909, Bakou – December 8, 1991, Moscow)*

Статья служит введением к публикации десяти писем выдающегося историка музыки, доктора искусствоведения Валентины Джозефовны Конен, получавшей образование сначала в США (1921 – 1931), затем – в Московской консерватории (1930-е годы). Все письма относятся к 1979 – 1986 годам и адресованы её молодому коллеге, ныне профессору той же консерватории, Михаилу Александровичу Сапонову, предпославшему данной публикации свои воспоминания и пояснения к письмам.

The introductory article accompanies the publication of ten letters by Dr. Mrs. Valentina Konen (the famous Russian music historian, educated in 1921 – 1931 in USA and later, in the 1930s – at the Moscow Conservatory), addressed in 1979–1986 to her young colleague, now Prof. Dr. Mikhail Saponov, of the same conservatory. His personal reminiscences and commentary are necessary for better understanding of allusions in the text.

Решаясь обнародовать большинство писем, что писала мне Валентина Джозефовна Конен, я надеюсь приоткрыть ранее неизвестные подробности ее жизни. Пусть все они станут маленькими открытиями для тех, кому помогли ее книги, и пусть облик Валентины Джозефовны – прозорливого историка и чистого человека – высветится и в текстах этих посланий. Пестрота затронутых тем в ее письмах под стать круговороту жизни. Открытка с курорта и письмо по научному

поводу дополняют друг друга живее иных сторонних воспоминаний.

Наше знакомство началось в 1968 – 1969 годах, когда заведующая кафедрой истории зарубежной музыки Московской консерватории Тамара Эрастовна Цытович (1907 – 1992) пригласила Валентину Джозефовну читать лекции студентам первого курса. Сам факт такого приглашения стал в ряду многих отважных жизненных решений Тамары Эрастовны, в свое время открыто поддерживавшей

Валентину Джозефовну в ее самые трудные периоды, особенно в конце 1940-х – начале 1950-х годов, когда В.Д. Конен была уволена из Московской консерватории и из Института им. Гнесиных. Нечего и говорить, насколько опасно было в тогдашних условиях оказывать такую поддержку¹.

Атмосфера на занятиях В.Д. Конен установилась праздничная, всех вдохновил свободный и доверительный тон общения нового педагога со студентами. Впрочем, в перерывах Валентину Джозефовну так плотно обступали мои однокурсники,

что я тогда робел, не решаясь прерывать их разговоры. Вклиниться мне удалось лишь один раз, довольно нехотая и с отвлеченным вопросом: «Валентина Джозефовна, что на Ваш взгляд сегодня важнее для музыковеда – музыкантская интуиция или точные знания?». В.Д. Конен засмеялась и ответила, улыбаясь уже не мне, а своей очередной собеседнице, не глядя в мою сторону: «Ну, вопрос вроде

такого: кого больше любишь – маму или папу?». Обе рассмеялись. Разговора не получилось, личного знакомства – тем более. Я извинился и отошел в сторону, хотя и, если честно, немного обиделся. Впрочем, В.Д. Конен была права. Десять лет спустя Валентина Джозефовна, прочитав мою диссертацию о музыкальной культуре Кубы, согласилась стать оппонентом на защите. В феврале 1978 года она пригласила меня к себе домой, чтобы я при ней ознакомился с только что написанным отзывом. Валентина Джозефовна, к моему удивлению, даже немного волновалась, не зная, как я отнесусь

к одному ее критическому замечанию. Рассуждая о звучаниях «внеевропейской» музыки, входивших в слуховой мир европейца, я в одном месте в тексте слишком близко подошел к аргументам, примерам и доводам самой Валентины Джозефовны, не сославшись на нее (!), хотя там же, на других страницах ссылки на ее труды были. Я, конечно же, признал, что допустил непростительную оплошность, хотя и без умысла: казалось, что эти положения прочно вошли во всеобщий обиход, и я упомянул их уже как нечто само собой разумеюще-

еся. Но оправдываться не стал. Стушевался. В день защиты, 2 марта 1978 года Валентина Джозефовна, поднявшись к трибуне прямо на сцене заполненного Малого зала Московской консерватории², начала разговор со слушателями, не заглядывая в написанное, и сразу предупредила аудиторию о том, что по сложности и многосоставности традиций музыкальная культура Кубы сравнима раз-

ве что с культурой США³. А в заключении своего выступления, иронически улыбнувшись, Валентина Джозефовна похвалила меня за разносторонность интересов, прилюдно предложив присвоить мне, помимо ученой степени, также и коллегиальное прозвище «Дон Жуан в науке». Я был счастлив не только тем, что Валентина Джозефовна, преодолевая болезнь, пришла на защиту и блистательно выступила, но и тем, что она, по сути, обратила внимание на значение самой темы. Да, да, на фоне распространенной тогда психологии «обратной конъюнктуры» нужна была известная

В.Д. Конен – М.А. Сапонову. Моему блудному (но любимому) сыну Мише Сапонову, with thanks for his friendship and faith in his future [с благодарностью за его дружбу и верой в его будущее]. В. Конен. 10.1978.

смелость, чтобы всерьез заняться музыкальными реалиями страны, которую угораздило примкнуть к «соцлагерю». Ведь любое проявление интереса к музыке, звучавшей на территории какой-либо зоны советского влияния, по негласному уговору считалось тогда поклоном режиму и чуть ли не карьеризмом в науке. Сегодня трудно понять, насколько жестко (и не без ханжества) тогда действовал негласный «запрет снизу» (советская цензура здесь «отдыхает»!). При этом никого не интересовало реальное карибское музыкальное богатство – самобытность культуры острова Куба, сдружившей древние звуки литургии африканских пантеонов с бродячими и гибридными танцевальными жанрами Европы и «креольско-африканской» Америки, с причудливым профессионализмом уличной «чаранга» и дивным своеобразием сона провинции Ориенте и т.д. Я уже не говорю о концепциях моего тогдашнего кумира – великого кубинца Алехо Карпентьера. Только десятилетия спустя он стал модным у нас в переводе, а заодно в моду постепенно вошли и воспетые им музыкальные сокровища его страны. А пока весь этот материал был «кулуарно» запрещен молвой многих тогдашних интеллектуалов. В.Д. Конен оказалась чуть ли не единственным специалистом (не считая, конечно, Павла Алексеевича Пичугина и Тамары Эрастовны Цытович, моего научного руководителя), посмотревшим на мою тему непредвзятым взглядом американиста. Валентина Джозефовна была независима в подлинном смысле, ибо, как выяснилось, не признавала конъюнктуры не только «прямой», но и «обратной»⁴. И здесь открылось подлинное свойство ее натуры – свободомыслие честного человека (она была «беспримесно чиста», как писала о ней Мария Вениаминовна Юдина). Этим она меня, чуждого стадному коллективизму, покорила на всю жизнь. Вот я и принялся ей писать, сначала лишь по праздничным поводам. Откликнулась она горячо. Общаться Валентина Джозефовна могла тоже только горячо, одухотворенно и вдохновенно. Но врачи не разрешали ей разговаривать более чем с одним собеседником одновременно, при этом принимать кого-либо дома можно было не более одного часа в сутки. Так началась вереница наших насыщенных встреч и бесед – сначала в ее кабинете, у рояля, затем на прогулках в сквере у ее дома или прямо вдоль Ленинского проспекта.

Рассказывала она о многих своих мытарствах и жизненных открытиях, но не было ничего важнее ее открытий в людях. Прибыв из США в СССР в 1931 году с семьей с целью присоединиться к социалистическому обустройству жизни, она вдруг была шокирована многим увиденным, прежде

всего – полунищенским прозябанием людей почти всех профессий, барством новоиспеченных большевистских начальников, всеобщим страхом. К счастью, от этого шока ее быстро избавили два мощных фактора – обретенная здесь любовь к другу жизни (физику Евгению Львовичу Фейнбергу) и сразу покоровившая ее душевная теплота русских людей, их отзывчивость, не раз спасавшая ее в тяжелых обстоятельствах. Эти качества могли проявляться там, где их меньше всего ожидали. Так, Валентина Джозефовна не раз рассказывала мне о драматических днях осени 1940 года. «Когда арестовали моего отца, – вспоминала она, – обыск длился с двух часов ночи до семи вечера следующего дня, старший из двоих, проводивших обыск (они оба были суровые, злые), поразил меня: он мгновенно указал на старой полустершейся фотографии моего свекра – человека с чеховской бородкой, в очках, стоявшего в группе деятелей социал-демократического движения. Я спросила его, как ему это удалось. Он ответил, что по сходству с его сыном, Евгением Львовичем – моим мужем. А его он за много часов до того увидел на другой групповой фотографии – курортной, лежавшей на столе, где муж был бритым и без очков. Вот это профессионализм! На следующий день второй из них, подчиненный, явился один, чтобы поехать со мной и моей матерью на дачу, где формально проживал отец. 3 ноября 1940 года, снег, холод, тоска ужасная. На даче – тоже холодно, не топлено. Весь дом завален вещами, чердак – английскими книгами, привезенными из Америки. Наш спутник стал в них рыться (от чая он отказался – им нельзя) и нашел ... Троцкого – ни больше, ни меньше. И вдруг он сказал: “Бросьте эту книгу в печь, я ее не видел”. Он спас нас с матерью от расстрела или от 25-летнего заключения, что почти равнозначно смерти».

Опасность, таким образом, миновала. В том, что у нас не все сердитые люди злодеи, Конен убеждалась не раз. Когда ее изгнали отовсюду, где она преподавала, Валентина Джозефовна сосредоточилась, как известно, на исследованиях: с 1950-х годов одна за другой выходят из печати ее вдумчивые работы. Ежедневно с шести утра она с энтузиазмом садилась за пишущую машинку. Както раз в 1959 году выпал радостный случай: для этой самой пишущей машинки удалось купить изрядное количество бумаги. Но, выйдя из магазина с тяжелыми пачками, она вдруг почувствовала боль и тьму: от внезапной нагрузки она потеряла зрение на один глаз. Медицина того времени была бессильна. Последовали мрачные предчувствия, Валентина Джозефовна упала духом. И вдруг ей

позвонил один человек, скорее, чужой, обычно весьма с ней неприветливый, с которым у нее никакой взаимной симпатии быть не могло. Он сказал, что прослышал о ее неприятности, и добавил: «Я сам много лет хожу с глазным протезом. Поверьте, через неделю-другую вы даже забудете думать о том, что лишились глаза, и к вам вернется прежнее зрительное ощущение, как будто ничего не произошло». Валентина Джозефовна подтвердила: именно так вскоре и получилось, она и вглядывалась вдаль, и, конечно же, как и прежде, много читала и писала и мысленно благодарила этого сердитого дядьку, вовремя ей позвонившего. Открытие отрадное и далеко не единственное. Во время войны, работая санитаркой и медсестрой в эвакуированном военном госпитале, В.Д. Конен познакомилась с выдающимся человеком, основателем целой школы хирургии. Она рассказала: «В Казани я узнала человека, позже ставшего очень известным – членом Академии медицинских наук и т. п. Его фамилия Кованов⁵. Он мне не нравился своим страшным самодовольством. И мне казалась совершенно ненормальной для врача его привычка во время мытья рук перед операцией смотреться в зеркало, – он не отрывал глаз от своего лица. Разговаривая с нами, медсестрами, он еле обращал на нас внимание, и к больным ходил нечасто – для этого существовали палатные врачи. Но вот однажды появился больной с газовой гангреной. В то “допенициллиновое” время он был обречен. Я помню, как его звали – Леня Пярых, он был по профессии фотографом. Спасти его могла только ампутация. Поскольку он не приходил в сознание, а гангрена подымалась все выше и выше, пришлось оперировать без его согласия. Когда он очнулся и увидел, что ногу ампутировали, у него началась истерика. Его нельзя было успокоить никак и ничем. Он кричал: “Я не человек, мне незачем жить больше!”. Тогда пришел Владимир Васильевич Кованов и сказал: “Ты не человек? Смотри!” – и он задрал штанину и показал, что у него не нога, а протез. Для такого тщеславного человека – удивительный поступок! И как только он это сделал, больной успокоился. Помню, как стал быстро поправляться и загорал на солнышке... На меня всегда производил впечатление поступок человека – поступок, в котором был резко очерчен весь характер».

Конечно же, Валентина Джозефовна рассказывала и о перипетиях своей профессиональной жизни, о взаимоотношениях с коллегами. Все новые подробности о ее былой дружбе с профессором Тамарой Николаевной Ливановой и о последовавшей драме их отношений я узнавал почти при каждой встрече.

В этом было много загадочного, как и в истории ее не менее драматичной дружбы с Лео Абрамовичем Мазелем. Познакомился он с В.Д. Конен, когда стал ее педагогом в консерватории, причем однажды даже поставил ей тройку на итоговом экзамене по музыкально-теоретическим системам (в чем его прямой «вины», конечно, не было). Потом они сдружились, и он звонил ей, как сказала сама Валентина Джозефовна, «каждый Божий день», много лет подряд. В октябре 1985 года, рассказывая мне о том, с каким воодушевлением восприняли ее друзья мою рецензию на книгу «Рождение джаза»⁶, Валентина Джозефовна сообщила и о звонке Мазеля, прочитавшего и одобдившего рецензию: «Как жаль, – заявил он Валентине Джозефовне, – теперь мне придется радикально менять свое мнение о Сапонове», то есть изменить мнение в лучшую сторону (!). Остолбенев, я спросил Валентину Джозефовну: «Но как же Лео Абрамович Мазель мог раньше составить обо мне хоть какое-то мнение, если мы с ним не знакомы и никогда не виделись ни на каких профессиональных форумах – ни на защитах диссертаций, ни на конференциях и прочих заседаниях?» Из опубликованного мной к тому времени известной была разве что работа об истории импровизации, которая никак не могла породить у него «радикально противоположного мнения». Валентина Джозефовна лишь пожала плечами: фраза Мазеля и ее застала врасплох. Позднее, по неизвестной мне причине она полностью прекратила общение с ним.

Задолго до нашего знакомства началась и творческая дружба Валентины Джозефовны с немногими тогда знатоками джаза. Ближе прочих из такой среды ей стал радиоинженер и многолетний любитель джаза Леонид Борисович Переверзев (1930 – 2006). Он не был ни музыкантом, ни профессиональным теоретиком музыки, но в осмыслении истории и природы джаза ему тогда не было равных в России. Я тоже познакомился с ним в начале 1980-х годов при забавных обстоятельствах. Л.Б. Переверзев позвонил мне по рекомендации Валентины Джозефовны и пригласил к себе домой на встречу с участниками одного бельгийского ансамбля старинной музыки (*Pro Musica Antiqua*), дававшими тогда в Москве концерты. Их выступление в Большом зале консерватории стало событием, поэтому я сразу откликнулся, хотя и не без опаски⁷. Л.Б. Переверзев явно очень хотел быть в музыкальной среде «своим», писал о джазе в крепко разработанном культурологическом и психологическом контексте⁸. Но Валентину Джозефовну, невзирая на известные (явно беспочвенные) опасения, всегда привлекали его образованность,

«американистичность» его рассуждений и понимание самобытности джазового искусства.

Вереница открытий в людях вокруг – сердцевинная глава в книге жизненного опыта Валентины Джозефовны Конен. Приоткрывалась эта книга только из ее рук и только самым близким людям. Поэтому беседы с ней стали для меня школой – этической, профессиональной и жизненной. Конечно, в письмах запечатлена лишь ничтожная доля этих разговоров. Увы, Эккермана (вспомним его «Разговоры с Гете») из меня не получилось: тогда мне казалось, что наши диалоги и так забыть невозможно, зачем заносить их содержание на бумагу. «Донжуанское» легкомыслие. Спихнулся я лишь к концу 1980-х годов, предложив Валентине Джозефовне записывать на магнитофон ее мемуары и ответы на мои вопросы, одним словом, вызвался стать ее «Робертом Крафтом», инициатором бесед-воспоминаний. Правда, приезжал я к ней нерегулярно, и Валентина Джозефовна, по нашей договоренности, стала привлекать и других знакомых на роль интервьюера, видимо чувствуя, что надо спешить.

Перерывы (по два-три месяца) в нашем общении приходились в основном на те моменты, когда мне приходилось дорабатывать самые многотрудные рукописи в своей жизни (начиная с упомянутой брошюры об истории импровизации, издательским рецензентом которой была, кстати, Валентина Джозефовна). Лакуны в общении немного восполнялись перепиской.

Моя собеседница, хотя и сетовала на мои «исчезновения», относилась к их причине с пониманием, повторяя: «Миша, я, конечно же, вижу, как вы безумно заняты». Оправдание в подарок. Ведь из памяти не выходит и американская поговорка в ее устах: **looking for help, ask a busy man: the other one never has any time** («в поисках помощи обратиться к занятому человеку, ведь другим вечно некогда»). За точность цитаты не ручаюсь, но смысл ее, когда ищешь кого-то в минуту растерянности или наплыва воспоминаний о Валентине Джозефовне, – ох как глубок и до сих пор не дает мне покоя.

Письма Валентины Джозефовны Конен Михаилу Александровичу Сапонову⁹

1.

[Москва], 16.03.1979.

Дорогой Михаил Александрович,
прежде всего, спасибо за Вашу милую открытку. Поскольку и я испытываю к Вам большую

симпатию, то можно считать, что мы достигли взаимности. А теперь я предлагаю перейти от трубадурской поэзии к действиям в практическом американском духе.

Но шутки в сторону. Мне действительно очень хочется поговорить по некоторым вопросам, относящимся к состоянию нашей науки с кем-нибудь из молодых музыковедов, и быть может в первую очередь с Вами. Поэтому была бы очень признательна, если бы Вы позвонили мне в ближайшее удобное для Вас время, и мы бы договорились о встрече. Спешки никакой нет, но и откладывать сильно не хочется.

Я пока никуда не уезжаю.

Буду ждать Вашего звонка. Еще раз большое спасибо.

В. Конен

P.S. Сердечный привет Вашим родителям.

2.

Сортавала, 12.07.1980.

Дорогой Миша,

Вчитываясь сегодня в свои материалы по предыстории рэгтайма, я натолкнулась на следующую фразу:

«“Бурый медведь”, “Заячье объятие”, “Техасский Томми”, “Индюший шаг” – все это стадии эволюции танца в направлении быстрого танца 1900-х годов, т.е. к “Уанстепу”, “Чарльстону”, “Черному низу” и т.п. и к эксцентрическим танцам водевильных актеров типа Берта Уильямса».

Это не буквальная цитата, а моя собственная запись, основанная на положениях книги

Schafer W.J. & Riedel J.

The Art of Ragtime.

Baton Rouge, 1943

Шифр Ленинск. библиот. Ин 74-41 / 50.

Английский оригинал, если это Вас заинтересует, передам при встрече.

Информация, как Вы видите, не слишком богатая, но для переводчика может оказаться не бесполезной¹⁰.

Во всяком случае, ясно, что речь идет об эстрадных и бытовых танцах конца прошлого века (иногда бытовые танцы проникали на эстраду, иногда эстрадные оседали в быту. Процесс – не однолинейный).

В Ленинграде я виделась с некоторыми нашими коллегами (в основном молодыми), и до меня дошел восторженный отзыв о докладе, прочитанном

Вами об «Оде к Наполеону»¹¹. Мне очень хотелось бы ознакомиться с его содержанием. Если я сама забуду попросить Вас об этом, когда мы увидимся, то Вы напомните мне об этом, пожалуйста.

Сортавала прекрасна, как всегда. Жизнь моя протекает здесь в двух резко контрастных планах. Реальное окружение (т.е. здешняя природа) так изумительно, что чуть ли не каждую минуту мне хочется повторить, как молитву, слова Гейне: «Какие чудеса смог сотворить Господь, имея в своем распоряжении только небо, воду, зелень и любовь!» (Цитата, возможно, не буквальная. Это из «Путешествия по Гарцу»)¹². И мой внутренний мир – вульгарная эстрада с кривляющимися актерами, загримированными под негров¹³.

Рада была бы получить весточку от Вас.

Be happy!¹⁴

V.K.

P.S. Евг[ений] Льв[ович] и Таня¹⁵ шлют привет.
186750 Карельская АССР / Сортавала / Дом
Творчества Композиторов.

3.

[Москва], 5.09.1980.

Дорогой Миша,

Со времени нашей последней встречи я не перестаю упрекать себя в том, что позволила себе (I simply lost control)¹⁶ говорить так агрессивно, настойчиво, горячо по поводу вопроса, который касается только Вас и который решать должны Вы один¹⁷.

Я сожалею не о том, что вообще высказалась по этому поводу. Будь Вы мне совершенно безразличны, я бы могла вообще спокойно промолчать. Но Вы для меня не чужой, и в этой ситуации скрыть мое отношение было бы, на мой взгляд, безнравственным и может быть даже формой предательства. Жалею я лишь об излишней своей взволнованности и настойчивости, которые наверно произвели впечатление давления (а может быть бессознательно я и хотела этого). Простите меня и, если можете, забудьте об эмоциональной стороне моего высказывания.

Заодно добавлю несколько слов о том, как Вы исполняете рэгтайм. В тот вечер я не нашла нужной формулировки. Я бы сказала, что у Вас слишком подчеркнута маршевое начало. В рэгтайме (и cakewalk'e) это безусловно есть и образует очень важный момент стиля. Но в рэгтайме марш присутствует уже в настолько абстрагированном виде – скорее как силуэт или скрытый фундамент. У Вас же все это очень «телесно» и наивно-откры-

то¹⁸. I don't know whether I am making myself clear, but I suppose sapientibus satis¹⁹.

Вот видите, через сорок (!) лет после моего общения с Яворским²⁰, во мне проснулась свойственная ему потребность продолжать разговор по горячим следам в письменном виде.

Affectionately²¹,

V.K.

P.S. Не надо отвечать на это письмо. И не только потому, что Вы так заняты. Письмо не рассчитано на ответ.

V.K.

4.

[Москва], 4.12.1980.

My dear boy,

Я хочу знать, нет ли моей доли вины в том, что с начала октября Вы не подаете признаков жизни.

Если Вы исчезли из моего поля зрения по собственной инициативе, то тут ничего не поделаешь и говорить не о чем. Но если есть хотя бы один шанс из ста, что это связано с каким-либо невольным и неосознанным поступком или словом с моей стороны (что могло быть лишь дикой случайностью, так как я высоко ценю Вас и дорожила нашим общением), то у меня не будет спокойствия, пока я не выясню, нет ли здесь недоразумения.

Надеюсь, что Вы откликнитесь на это письмо с откровенностью, которую заслуживают наши отношения²².

With every good wish,

as ever²³

V.K.

5.

[Москва], 11.03.1981.

Спасибо, Миша милый, за Ваше поздравление к 8 марта, очень меня растрогавшее. Я хотела бы позвонить Вам по телефону, но сейчас это, по-видимому, исключено, так как аппарат на кухне мне недоступен (мое жизненное пространство ограничено моим диваном и придвинутым к нему столом), а звонить из моей комнаты до 8 ч. утра значит разбудить всех других членов семьи²⁴.

Affectionately & gratefully²⁵

V.K.

P.S. Передайте Светлане Сигида²⁶, что она может мне позвонить. Кстати, я ее вспомнила. Она однажды приходила ко мне со статьей о музыке США для энциклоп[едии].

6.

Сортавала, 15.07.1982.

Дорогой Миша,

Сортавала прекрасна, как всегда, но до Вашей руссоистско-мессиановской идиллии нам далеко²⁷, хотя бы потому, что наша запрятанная в лесу дачка окаймлена с двух сторон цивилизованными (условно выражаясь) пунктами. Слева – деревенский поселок, который и по внешнему виду и по идейной сущности заставляет вспомнить известное высказывание Пушкина, относительно того, что «ничто так не напоминает русскую деревню XIX века, как русская деревня XVII века»²⁸, а справа – столовая Дома Творчества, его светский центр, со всеми атрибутами провинциального курорта. Здесь много знакомых, в том числе Ваших: Эдисон Васильевич²⁹, над которым Музфонд учинил подлинную гнусность, отказав ему в отдельной даче (кстати, слухи о том, что Фрол Скобеев³⁰ передает свою лавку преемникам, не находят подтверждения); нежно любимая мною Светлана Савенко³¹ (которая просит передать Вам привет); Мартынов³² и Гринденко³³ (прибывшие сюда с машиной и иконами) и кое-кто из Ваших коллег по М[осковской] Г[осударственной] К[онсерватории].

Вот видите, какое сплетническое направление принимает мое письмо!

И все же при всех светских соблазнах я каждый день работаю с 6 до 9 утра. Весь день остается свободным, но из-за жары, приближающейся к температуре ада, не знаю, что делать с собой потом. Правда, с непрерывно стучащим сердцем читаю книгу о Наполеоне. Не знаю, произведет ли она на Вас такое же сильное впечатление, как на меня.

Рада, что Вам хорошо. Но почему-то среди названных Вами интересов я не заметила светскую песню Средневековья³⁴. Могла бы задать Вам по этому поводу ехидный вопрос. Интуиция мне подсказывает, что Вы намеренно умолчали о своих подвигах с кинокамерой, дабы не возбудить моих материнско-назидательных инстинктов³⁵. Но не беспокойтесь! Напротив. **Just to show you how broadminded and tolerant I am**³⁶, я процитирую четверостишие, которое недавно вспомнила. Оно создано для Вас (автор – Edna St. Vincent Millay, известная американская поэтесса нашего века)³⁷:

“My candle burns at both ends,
It won't last a night,
But ah! my foes, and oh! my friends,
It gives a lovely light”³⁸.

Первая, – как известно, более длинная – половина нашего отпуска прошла. Не успеешь оглянуться, как услышишь за дверью мяуканье кота.

Be happy (in your own way, of course)!³⁹

Affectionately⁴⁰

V.K.

7.

[санаторий] «Узкое», 4.08.1982.

Дорогой Миша,

Письмо Ваше получила бесконечно давно, в бесконечно отдаленном от реальности краю. Расставание с Сортавалой было бы невыносимым, если бы не спасительное действие закона равновесия сил. Ибо величественной гармонии природы противостоит такая хаотичность и дикарство быта, что даже мы, привыкшие ко многому, не перестаем изумляться. Пребывание в сортавальском Доме Творчества предполагает у каждого развитое чувство юмора. Весь административный и обслуживающий персонал, без исключения, делится на две категории.

Первая – это отпетые алкоголики, не просыхающие ни на миг. Вторая – это отпетые алкоголики, не просыхающие ни на миг, но к тому же представляющие собой уголовников, недавно выпущенных из мест заключения. Уборщицы, которым дали ключи ко всем дачам и которые, естественно, имеют доступ к ним в любое время дня и ночи, оказались воровками, прибывшими к нам непосредственно из тюрьмы. Очень скоро их пришлось уволить, и тогда нам самим (лично меня это, разумеется, не затронуло) пришлось таскать воду из колодца, приносить и колоть дрова, топить печи и т.п. Между прочим, рабочие, ремонтировавшие дачу, так старались, что заделали все нужные отверстия в печи; мы жили как в курной избе, и Евг[ений] Льв[ович] установил, что поговорка «нет дыма без огня» несостоятельна. Дым у нас был, а огонь не показывался. Добавлю еще один выразительный штрих: баня, только-только заново отстроенная после последнего (за четыре года), очередного пожара, тут же опять сгорела на глазах у всех. Sic!⁴¹

А теперь я живу в ультра-цивилизованной обстановке, где нет ни одного пьяницы, ни одного открытого вора, где все сверх-умные и сверх-воспитанные. Но душа моя томится по деревянному домишке на берегу ладожского фиорда.

По дороге останавливались в Ленинграде, и Михаил Семенович Друскин познакомил меня с несколькими молодыми музыковедами, которые в целом показались мне интересными. С одним из

них связано очень неожиданное и острое переживание, о котором стоит рассказать.

Этот музыковед (кстати, он и композитор) завершил только что кандидатскую диссертацию об Айвзе⁴² и очень основательно изучил историю и культуру города, в котором Айвз родился и вырос – Danbury, Conn[ecticut]⁴³. В начале 1931 года в этом городе вспыхнула грандиозная забастовка текстильщиков. Я была в те годы пламенной коммунисткой, и газета “Daily Worker” **направила меня** туда со специальным заданием (в чем суть задания, расскажу при встрече, если Вас это заинтересует). Моя корреспонденция была подана в виде большого фельетона. Так вот, представьте себе, этот музыковед, читавший всю прессу, связанную с Danbury, **прочел и запомнил мой очерк**. Для меня вдруг ожили события и переживания полувековой давности. Я до сих пор в их плену⁴⁴.

Много общаюсь со Светланой [Савенко], но не на профессиональной основе. Правда, я попросила ее прочитать написанную мной в Сортавале часть Предисловия к учебнику, и она сделала несколько умных и дельных замечаний.

Очень завидую Вашей отшельнической жизни на природе. А удастся ли Вам дать хотя бы некоторый отдых голове?

На этом лирическая часть письма кончается, и я вступаю в свою надоедливую роль зануды-опекуна.

В Сортавале я разговаривала с Наташей Шантырь и между прочим спросила ее о рецензентах на труды М.А. Сапонова⁴⁵. Она сообщила, что в качестве второго рецензента она избрала Инну Алексеевну Барсову (а не Валентину Николаевну [Холопову], как я советовала), и та дала согласие⁴⁶. Плохая сторона этого в том, что Инна Алексеевна исключительно добросовестный человек, и трудно представить, чтобы ее могли привести в восторг те журналистские опусы (т.е. журнальные и газетные вырезки), которые Вы представили⁴⁷. Поэтому я Вам советую сразу же по приезде связаться либо с Наташей, либо с И.А. и передать им диссертацию и другие, хотя бы и не опубликованные труды, которые могут дать представление о Вашем научном уровне. Я могла бы, разумеется, сказать это Вам позднее, в Москве, но неизвестно, скоро ли Вы мне позвоните после возвращения, а в данном случае задерживаться не надо.

Обнимаю Вас. Евг[ений] Льв[ович] шлет сердечный привет.

В.К.

(alias⁴⁸ Valentine V. Konin, как был подписан тот очерк '31 года).

P.S. Буду дома 10/VIII.

8.

[Москва], 10.09.1984⁴⁹.

Дорогой Миша,

Сегодня утром дважды внимательно прочитала Вашу рецензию⁵⁰. Хотела позвонить Вам, но из нашего телефона дозвониться к Вам практически невозможно (за исключением редких случаев везения поздно вечером). Поэтому пишу.

Ваша статья (это конечно не рецензия, а самостоятельная статья) произвела на меня сильнейшее впечатление. И дело отнюдь не только в том, что мое авторское тщеславие было удовлетворено (не могу не признаться, что это имело место). Но еще в большей мере я была буквально потрясена глубиной мысли автора рецензии, его широчайшим кругозором, умением вчитываться в мысль автора книги, – короче говоря, его научной талантливостью, опирающейся на очень широкую образованность. Я знаю из разговоров на эту тему, что мало кто, точнее, просто никто не сумел выделить основную проблематику моего замысла, подать ее так ясно, точно, ярко и притом в захватывающе интересной литературной форме.

У меня твердое убеждение, что если рецензия будет напечатана, она вызовет еще больший интерес, чем к самой книге, к автору, писавшему о ней⁵¹.

Разумеется, в журнале статью сократят, и думаю, что это будет дело рук не столько Марины Павловны⁵², сколько Гениной, которая, как правило, безжалостно режет авторские тексты⁵³. Они, конечно, смягчат или уберут многие дифирамбические выражения (против этого я не возражаю, так как сейчас в ней действительно многовато этого). Очень боюсь, что они могут просто убрать («безболезненно», как им покажется) весь или почти весь экскурс в латинскую американистику, что конечно, обеднит статью, лишит ее свойственной ей объемности⁵⁴. Но Вы имеете право, во-первых, после того, как они пришлют Вам на визу Ваш текст, восстановить многое из того, что они вычеркнут; во вторых, «бороться» за него, когда будет идти редакционная работа; в-третьих, аргументировать и тем, что эта рецензия связана с 75-летним – увы! – юбилеем автора книги.

Еще раз повторяю, что если статья выйдет, о Сапонове заговорят все⁵⁵. Вы еще не печатали ничего такого высокого уровня.

(Как хорошо, что Вы не должны давать оценку моему владению пишущей машинкой!)

*Very gratefully and affectionately*⁵⁶

V.K.

P.S. Подтвердите, пожалуйста, получение этого письма, и не через 10 дней, а сразу.

P.S. № 2. У меня два крохотных замечания.

Когда Вы пишете о «Детском уголке», то обязательно упомяните где-нибудь «Кукольный кекуок», а то читателю непонятно, какая связь между этой пьесой и менестрельной маской.

По-английски менестрельное шоу называют не «минстрелз шоу», а просто «минстрел», т.е. без «з» в конце слова.

B.K.

9.

Звенигород, 25.07.1985.

Дорогой Миша,

Хотя Ваше письмо проникнуто очень возвышенным духом, я прежде всего поздравляю Вас с успехами в *worldly affairs*⁵⁷. И спасибо, что Вы мне сообщили об этом⁵⁸.

Наша жизнь сейчас (12 дней в пансионате А[кадемии] Н[аук], совершенно не похожем на «Узкое») воспринимается, как интерлюдия между Москвой и «Рузой». Все неустойчиво и для меня непривычно – слишком курортно, слишком многолюдно, слишком стандартно. И все же я чувствую себя лучше, чем когда-либо за последние два года. Жаль только, что сатанинское племя физиков повернуло земное вращение вспять, и, не

успев повидать лета, мы вернулись к осенне-зимнему сезону. Коснулось ли это и Эстонии?⁵⁹ Ведь она во многих отношениях напоминает Ноев Ковчег. Может быть и в этом?

Наслаждайтесь своей жизнью среди «птичьего молчания». Если захотите написать мне в Рузу, буду рада. Евг[ений] Льв[ович] и Таня шлют Вам приветы.

Be happy!⁶⁰

V.K.

10.

[Москва], 13.03.1986.

Дорогой Миша,

У меня к Вам разговор, для меня очень важный, который должен состояться без свидетелей⁶¹. Наверняка (насколько что-нибудь может быть наверняка) я бываю одна в понедельник с 11 до 1 часу и во вторник с 3-х до 5. В эти дни и часы Евг[ений] Льв[ович] руководит семинарами в Институте. Поэтому позвоните мне в эти часы, на всякий случай с некоторым запозданием (на минут 15). Дозвониться мне Вам совершенно невозможно. Если эта открытка дойдет после понедельника или вторника, позвоните в любое время. И мы просто договоримся о встрече, может быть и о прогулке. Вообще же, как конспиратор Вы куда не годитесь.

Спасибо Вам за милое поздравление!

Love⁶²,

B.K.

Примечания

¹ Поколение той эпохи помнит, как коллеги избегали общения с каждым, кого начали «обличать» в официальной прессе, лишая званий и снимая с должностей. С изгоями боялись здороваться, и в городе при случайной встрече даже прежние друзья спешно переходили на другую сторону улицы. Тамара Эрастовна никогда не поступала, как подобные

«друзья». Когда Валентина Джозефовна Конен вспоминала о своих известных злоключениях 1948 – 1953 годов, она особо отметила настоящих друзей, поддержавших ее в тяжелые годы, перечислив их поименно. Этот перечень начинался с Тамары Эрастовны Цытович.

² В то время все защиты проходили в Малом зале консерватории, причем диссертант говорил со сцены, но мог подхо-

дять и к роялю, а члены Диссертационного совета сидели в первых рядах партера; 2 марта 1978 года рассматривались две кандидатские диссертации, первой защищалась Елена Васильевна Вязкова, ныне профессор РАМ им. Гнесиных, доктор искусствоведения.

³ Потом я вспомнил, что в своей первой американской монографии («Пути американской музыки») В. Конен ссылалась и на положения Фернандо Ортиса, кубинского этнографа и культуролога с мировым именем – одного из главных героев моей диссертации.

⁴ Уточню: «обратная конъюнктура» – это дисциплинированное следование негласному стадному бойкоту. Стихийно и негласно ходил запрет на исследование любого материала, удобного правящему режиму, хотя сам материал в этом виноват не был ни в коей мере. Издерганная музыковедческая среда того времени болезненно обращала внимание, прежде всего, на политический аспект любой темы, хотя вслух гордилась своим иммунитетом к политике.

⁵ Академик Владимир Васильевич Кованов (28.2/13.3.1909, Петербург – 1994, Москва) – выдающийся русский хирург, участник Великой Отечественной войны, в 1956 – 1966 годах – ректор 1-го Московского медицинского института (ныне Медицинская Академия им. Сеченова) и заведующий лабораторией по пересадке органов и тканей АМН СССР. Основные труды посвящены лечению ран грудной клетки, анаэробной инфекции, организации хирургической работы в войсковом районе, хирургии сердца и сосудов. Среди его учеников корифеи мировой медицины – Валерий Шумаков, Александр Коновалов, Глеб Соловьев, Лео Бокерия и др.

⁶ Сапонов М.А. Рождение метода // Советская музыка, 1985. № 9. С. 86 – 90. См. также ниже, письмо № 8.

⁷ На мой вопрос, мол, почему встреча проходит именно в его квартире, Л.Б. ответил мне, что хотел познакомить фламандских гостей с русскими музыкантами, связанными со старинной музыкой. Обстановку Л.Б. создал светскую, в духе дипломатических посиделок. Заметив мое смущение, хозяин дома неоднократно ободрял меня, призывая смелее продвигаться по комнатам и со всеми общаться. Фламандцы, конечно же, неплохо напились, а я удивился, что на вечеринке у Переверзева нет никаких официальных лиц из концертных (либо иных) организаций. Он принимал большую группу бельгийских музыкантов один (!) как частное лицо. А регулярные встречи такого рода тогда считались неслыханной смелостью.

⁸ Правда, впоследствии он вторгался и в проблемное поле классической музыки, что приводило и к некоторым курьезам. Так, в 1998 году в статье «Импровизация *versus* Композиция» Л.Б. Переверзев вдруг решил вспомнить о моей работе «Искусство импровизации. Импровизационные виды творчества в западноевропейской музыке Средневековья и Возрождения (М., 1982)» и «напал» на меня обычным любительским способом: сначала приписал мне странные утверждения, которых у меня и быть не могло, а потом принялся

уже с этими изготовленными им «положениями» полемизировать (См.: Музыкальная Академия, 1998, №1, с. 138).

⁹ Текст публикуемых здесь писем Валентины Джозефовны Конен оставлен в неприкосновенности, за исключением случаев явных опусков (пропуск буквы или дефиса, и т.п.). Немногие поясняющие слова или восполнение сокращений даны в квадратных скобках. Не расшифровывалась лишь сокращенная подпись автора: В.К. (= Валентина Конен) или то же латиницей: V.K. **Все подчеркивания в текстах писем принадлежат их автору – Валентине Джозефовне Конен.** Пояснения даны в комментариях, составленных М.А. Сапоновым. В тексте этих комментариев автор писем для краткости упоминается только в виде инициалов имени и отчества: В.Д.

¹⁰ Выдержку из монографии о рэгтайме В.Д. прислала мне в ответ на мою просьбу: помочь одному моему знакомому переводчику выяснить смысл или контекст названий некоторых «негритянских танцев», встретившихся ему в англоязычных газетах.

¹¹ Недоразумение, разъясненное мной вскоре при встрече с В.Д. Речь идет об «Оде к Наполеону Бонапарту» Арнольда Шенберга на текст Байрона для чтеца, фортепиано и струнного квартета. Я никогда не выступал с докладом об «Оде», но исполнял партию чтеца (*Sprechgesang*) в этом произведении в ансамбле с квинтетом им. С.И. Танеева и с Алексеем Любимовым сначала в Ленинградском доме композиторов в 1974 году, а позднее – в Малом зале филармонии там же.

¹² У Гейне в *Die Harzreise* написано так: «*Eben wie ein großer Dichter, weiß die Natur auch mit den wenigsten Mitteln die größten Effekte hervorzubringen. Da sind nur eine Sonne, Bäume, Blumen, Wasser und Liebe*» (Heines Werke in fünf Bänden / Zweiter Band. – Berlin und Weimar, 1978. S. 221 – 222). Возможный перевод: «Подобно великому поэту природа тоже умеет достигать громадного воздействия с помощью малейшего набора средств. А это всего лишь солнце, деревья, цветы, вода и любовь».

¹³ Речь о черной маске белых актеров в американских представлениях *Minstrel show* конца XIX века. В.Д. в это время уже работала над книгой «Рождение джаза».

¹⁴ «Будьте счастливы!» (англ.).

¹⁵ Ее муж Е.В. Фейнберг и дочь Татьяна Евгеньевна.

¹⁶ «Я попросту вышла из себя» (англ.).

¹⁷ Письмо написано вслед нашему разговору в конце августа того же года. В.Д. неожиданно высказала предположение о причинах моих предыдущих «исчезновений», т.е., периодов по два-три месяца, в течение которых я у нее не появлялся и даже не звонил. Причина в действительности ясна. Моя работа над увлекшим меня замыслом книги «Искусство импровизации: импровизационные виды творчества в западноевропейской музыке средних веков и Возрождения» подходила к своей решающей фазе, поэтому время пролетало мгновенно, я не успевал уследить за внешней жизнью. Но В.Д. вдруг взволнованно заявила, что знает, почему я пропадаю из ее поля зрения и почти уверена в моем якобы состоявшемся знакомстве с Тамарой Николаевной

Ливановой, которая, в свою очередь, наверняка «настроила» меня против В.Д.

¹⁸ Во время упомянутого визита к В.Д. я приносил ей русское лицензионное издание рэгтаймов Скотта Джаплина («Миссурийские рэгтаймы» для фортепиано. М., 1979) и кое-что наиграл оттуда. До этого я неоднократно слушал в доме одного своего приятеля архивную звукозапись (на виниловой пластинке) тех же пьес в исполнении автора. Меня поразили тогда и медленный темп, и четкая «рубленая» артикуляция, словом, застывшая статность его исполнения. Я взял авторский подход за образец и вошел во вкус. Но В.Д. хотела услышать некую стремительную и цепкую фортепианную скороговорку в духе 1920-х годов. Неудивительно: она сохранила свои американские впечатления тех лет, когда о стиле Джаплина успели забыть, и повсюду царствовал уже совсем другой рэгтайм, так называемый *advanced rag*, – некий явно «оджазованный» виртуозный этюд, весьма далекий от того, что играл Джаплин. Я пытался убедить в этом В.Д., но у меня не было тогда с собой главного довода – авторской фонограммы. Весной 1991 года, когда я стажировался в США, я посетил Исследовательский центр афро-американской музыки (CBMR = Center of Black Music Research) при Колумбийском колледже в Чикаго. Тамшний сотрудник господин Лерма вдруг открыл мне тайну: когда Джаплин записывал свою игру, его пальцы уже стали заскорузлыми и еле шевелились от давней болезни (запущенный сифилис). Отсюда и его одеревенелая игра. Вот вам и образец для аутентичного исполнения!

¹⁹ «Не знаю, ясно ли я выразилась, но полагаю, для понимающих достаточно» (англ., лат.).

²⁰ В.Д. много общалась с Болеславом Леопольдовичем Яворским и училась у него. В разговорах она часто приводила его высказывания и ценные советы. Но когда она по разным поводам сравнивала с ним меня (?), я мог отвечать лишь улыбкой и понимал, что сравниваются не личности в целом, а лишь некоторые приемы повседневной работы и методические подходы к той или иной проблеме.

²¹ «С любовью» (англ.).

²² Недоразумение вскоре выяснилось. Я срочно связался с В.Д. по телефону, а также написал ей и получил 30 декабря 1980 года такой ответ: «Спасибо, мой друг, за новогоднее поздравление, тем более, что оно попало в самую цель. Вам я выражу одно общее (но искреннее) пожелание: **Be happy! / С самыми теплыми чувствами**» Далее следовали две подписи В. Конен. / Е. Фейнберг

²³ «С самыми добрыми пожеланиями, как всегда» (англ.).

²⁴ Незадолго до этого В.Д. поскользнулась на улице и от падения получился сложный перелом костей ступни. Она с улыбкой рассказывала о том, как сердито обсуждал этот перелом хирург, осматривавший ее в больнице. Он так ворчал по поводу обилия «неправильных» мелких переломов, да еще в самых неудобных местах, что В.Д. в тот момент не выдержала и рассмеялась, но что врач буркнул: «Да, хорошо вам так вот смеяться...».

²⁵ «С любовью и благодарностью» (англ.).

²⁶ Светлана Юрьевна Сигида, ныне известный историк-американист, профессор кафедры истории зарубежной музыки Московской консерватории.

²⁷ Письмо адресовано мне в эстонскую деревню Пихласпеа, находящуюся на берегу моря, на территории Национального парка Лахемаа. Я писал В.Д. о потрясающем разнообразии тамошних птичьих голосов, ничуть не мешавших мне работать. Этот звуковой фон прекрасно соответствовал концепции Оливье Мессиана о птичьем пении как идеальной форме Божественной Тишины, о чем я и напомнил В.Д.

²⁸ У А.С. Пушкина («Путешествие из Москвы в Петербург» [Беловая редакция]) сказано так: «Наружный вид русской избы мало переменялся со времени Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные к его *Путешествию*. Ничто так не похоже на русскую деревню в 1662 году, как русская деревня в 1833 году» (А.С. Пушкин. Полное собр.соч. – М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 259). Пушкин сослался здесь на книгу: «Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга ... члена Правительственного совета Нижней Австрии ... к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году ...».

²⁹ Э.В. Денисов был моим педагогом по инструментовке в 1971 – 1972 учебном году.

³⁰ Имеется в виду тогдашний глава Союза композиторов СССР проф. Тихон Николаевич Хренников, автор опер «Фрол Скобеев», «В бурю» и многих других произведений, в том числе ярчайших песен, звучащих повсюду до сих пор. Ироническая форма упоминания о нем в письме навеяна, по-видимому, общепринятой тональностью разговоров о «начальстве» в среде сортавальских дачников и не связана с целостной оценкой этого музыканта.

³¹ Светлана Ильинична Савенко, ныне профессор кафедры истории русской музыки Московской консерватории, доктор искусствоведения.

³² Композитор Владимир Иванович Мартынов.

³³ Татьяна Тихоновна Гринденко, известная скрипачка и художественный руководитель московского ансамбля «Академия старинной музыки».

³⁴ После выхода из печати работы об истории импровизации я задумал диссертационное исследование «Песни средних веков», но вскоре сосредоточился на иной теме.

³⁵ Я сообщил В.Д. о том, что, взяв с собой кинокамеру (с пленкой-кассетой 8мм), увлекся в Эстонии съемкой «концептуального» фильма в честь 70-летия Джона Кейджа. Мне помогали местные дачники-эстонцы.

³⁶ «Чтобы просто показать, насколько широко и терпимо я смотрю на вещи...» (англ.).

³⁷ Эдна Миллей (1892 – 1950) – американская поэтесса и драматург; с 1917 до середины 1950-х годов было опубликовано двадцать сборников ее стихотворений и около десяти драм.

³⁸ Это четверостишие я перевел так: «Свеча моя с двух концов горит / И ночь не протянет, нет. / Но ах! враги мои, и ах! друзья мои, / Как мил ее дивный свет».

³⁹ «Будьте счастливы (конечно, по-своему)!» (англ.).

⁴⁰ «С любовью» (англ.).

⁴¹ «Именно так» (лат.).

⁴² Это был Виктор Романович Кисин, подготовивший к защите диссертацию на тему «Чарльз Айвз в свете демократических традиций культуры США».

⁴³ Город Денбери, штат Коннектикут.

⁴⁴ Похожие чувства В.Д., как она сама признавалась, ощутила и позднее, когда весной 1991 года я после первой своей поездки на Запад рассказывал ей о своем трехмесячном пребывании в США. Правда, я не был в Денбери, но долго жил в Нью-Йорке, а затем по просьбе В.Д. встретился и с ее дальним родственником, Ричардом Тарускиным – профессором Калифорнийского университета – во время моей недельной поездки в Сан-Франциско. Встреча проходила в Беркли в присутствии декана музыкального факультета Джозефа Кермана. Вообще Р. Тарускин оказался человеком отзывчивым, основательно образованным, тонким знатоком русской музыки. Он помогал мне тогда во многом, и я до сих пор ему признателен. К сожалению, позднее он мог и разочаровывать как ученый. Так, например, в своем двухтомнике «Стравинский и русские традиции» Тарускин, подробно разбирая оперу Глинки «Жизнь за царя», в итоге произносит идеологический приговор: «реакционная опера» (*reactionary opera*). Это, по сути, логика тов. А. Жданова в духе постановлений 1948 года, правда, в своей, американской тональности. По той же «ждановской технологии» (но на свой лад) он, увы, и в других работах и докладах попутно продолжает «идеологически разоблачать» наследие русских композиторов, выискивая в их произведениях крамолу. Да, нравственная пропасть между поколениями американских музыковедов зияет до неприличия бездонно.

⁴⁵ В то время я почему-то решил вступить в Союз композиторов СССР. Процедурой приема документов и их продвижения в секретариате занималась Наталья Григорьевна Шантырь.

⁴⁶ Первым рецензентом представленных мною статей стала В.Д. Конен.

⁴⁷ Вступающий в СК музыковед обязан представить в секретариат на рецензию свои труды. Учитывая специфические функции этого объединения, я представил туда только свою публицистику (газетные и журнальные обзоры о фестивалях и рецензии на концерты), но не дал ни одной научной работы, справедливо полагая, что направляюсь не в исследовательский институт, а в общественную организацию.

⁴⁸ «или иначе» (лат.).

⁴⁹ Письмо напечатано пишущей машинкой с изрядными правками. Самостоятельные фразы, вписанные автором от руки, здесь выделены *курсивом*.

⁵⁰ Летом того же, 1984 года я написал отзыв на книгу В.Д. Конен «Рождение джаза», а в начале сентября дал автору книги на прочтение рукопись рецензии, и тогда же передал экземпляр в редакцию ежемесячного журнала «Советская музыка». Однако вышла рецензия почему-то только

в 1985 году, см.: Сапонов М. Рождение метода // Советская музыка. 1985. № 9. С. 86 – 90. Жалею, что брался судить о таком труде, не имея возможности побывать в Америке, иначе некоторые акценты были бы поставлены в рецензии иначе.

⁵¹ Сказано, пожалуй, слишком сильно, хотя после публикации В.Д. действительно получала много откликов по телефону, о которых сразу рассказывала мне.

⁵² Марина Павловна Рахманова, ныне известный исследователь русской музыки, доктор искусствоведения, научный сотрудник Государственного института искусствознания. В то время редактор журнала, Марина Павловна поддерживала меня и дала дельные советы.

⁵³ Музыковед Лиана Соломоновна Генина, видимо, давала окончательную визу на публикацию текста. Но, вопреки опасениям В.Д., радикальных сокращений ни ею, ни кем-либо из редакции сделано не было. Покоробило меня лишь то, что уже после моей подписи под последней корректурой (а это, согласно журналистской этике, становится договором об окончательной версии текста) первый абзац был без моего ведома кем-то снят и попросту заменен чьим-то чужим текстом. Я с удивлением читал странное неведомое мне начало в своей статье. Конечно же, в спешке журнальной работы многие недоразумения могут всплывать случайно, без «злого умысла» (скорее всего, так оно и было), хотя здесь говорить о спешке нечего: готовую рецензию удерживали около года.

⁵⁴ Экскурс в латиноамериканистику был опубликован полностью.

⁵⁵ Это явное преувеличение объясняется доброжелательностью и неувядающей впечатлительностью В.Д.

⁵⁶ «С большой благодарностью и с любовью» (англ.).

⁵⁷ В «светских делах» (англ.).

⁵⁸ О присвоении мне ученого звания доцента.

⁵⁹ Письмо адресовано мне в эстонскую деревню Пихласпеа.

⁶⁰ «Будьте счастливы!» (англ.).

⁶¹ В.Д. поделилась неожиданно возникшем у нее чувством тревоги и пустоты при известии о том, что проф. Т.Н. Ливанова (ее давний «злой гений») смертельно больна. Тамара Николаевна скончалась менее чем три недели спустя (4.04.1986), после чего В.Д. вновь признавалась, что сама от себя не ожидала столь тягостного и опустошенного душевного состояния. Кроме того, речь шла о рукописи одной из ее учениц в Институте искусствознания, которую В.Д. просила меня внимательно посмотреть. За три года до этого (летом 1983 г.) мне пришлось скрепя сердце писать оппонентский отзыв на весьма слабую диссертацию одной ее аспирантки, и В.Д. спешила уверить меня, что на этот раз речь шла о совсем ином случае и была права.

⁶² «С любовью» (англ.).

E-mail: saponov@mail.ru